

Илья Кнабенгоф

Проводник

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
К53

Кнабенгоф И. Л.

Проводник / И. Л. Кнабенгоф — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2020. — 147 с.

ISBN 978-5-532-04986-4

История обычного парня, к которому неожиданно приходят гости из другого мира с просьбой о помощи провести их через Землю, словно через мост. Они утверждают, что герой книги всегда это умел, долго этому учился ранее в иной реальности, и обещают восстановить ему память и навыки в обмен на исполнение их просьбы. Эта книга о том, что никто из нас не знает на самом деле, на что он способен, кем является внутри, и о том, что в жизни всегда есть место для чуда.

ISBN 978-5-532-04986-4

© Кнабенгоф И. Л., текст, 2003
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

*«Откуда взяться тишине и волшебству, когда вокруг весна?! –
-логично мысля, говоря по существу, подумай-ка сама...»
Евгений Фёдоров (группа «Текиладжаззз»)*

От автора

Эту книгу я дарю своим двум друзьям, один из которых собственным примером своей жизни не давал мне ни расслабиться ни отдохнуть, а второй – не давал мне оступиться, когда я слишком увлекался. Один уничтожал мою жалость к себе, у второго всегда находилось для меня мудрое слово. Воину и Мудрецу посвящается эта книга.

22.03.20...г.

Уши болели. Во рту стоял привкус крови. Оглушительный подавляющий гул растекался во все стороны, стремясь скрыться за горизонтом. Его высокое мерцание разваливалось, постепенно теряя целостность, и отдельные маленькие брызги звуков катились куда-то в высоту подобно... ну, этому самому... ну, этому... чему? Что-то знакомое было для него в этом звуке. Звон чего-то стеклянного, нет, медного по... по чему? Гул утекал вниз, в землю, теряя свою плотность, и вот уже он не был слышен ухом, а лишь отдавался во всём теле дрожью, которая всё замирала. Амплитуда колебаний резонанса спадала, и уже можно было попробовать вздохнуть. Он осторожно попытался приоткрыть глаза. Это было нелегко. Глаза как будто склеились и сильно болели. Влажным жаром жгло веки. Сквозь узкую щёлочку он увидел что-то рыже-коричневое, пятнистое, какие-то крупинки на жёлтом. Вот какая-то букашка пробежала по... – «стоп!... листья... это – листья», – радость узнавания охватила его – «Значит я жив... И со мной более-менее всё в порядке...». В следующую секунду разум окончательно проснулся в нём.

– Э... а... собственно, где я?

В течение времени, пока он задал этот вопрос самому себе, мозг лихорадочно соображал, какое бы ему придумать правдоподобное объяснение данному состоянию и, собственно, как составить минимальный план, что делать дальше.

– Я лежу на земле... Ура! Это уже неплохо, падать, видимо, некуда. Так-так...

Осторожно приподняв голову, он огляделся. В воздухе присутствовали обычные звуки, чирикали птицы, шумел слегка ветер. Но тишина всего этого после... после чего?... была давящей. Стоящие вокруг деревья слегка двоились в глазах.

– Интересно, что это так бумкнуло?! – спросил он себя и радостно отметил, что чувство юмора ещё служит ему.

Удалось немного снять напряжение. Только теперь он почувствовал, как болят все мышцы. Он чувствовал, как дюйм за дюймом,

очень медленно, железная хватка оставляла его руки и ноги, и они начинали слушаться.

– Ага... видимо, осень... листьев нет... снега только припорошило, видать, ночью...

Ещё не до конца понимая, холодно ему или тепло, он приподнялся на руках и сумел встать на четвереньки. Из кармана выпало что-то и закатилось в листья. Он пошарил рукой, попутно отметив, что она вся в крови, нащупал что-то твёрдое и поднёс к глазам. Резкость восстанавливалась скачками. Всё плыло вправо, как музыкальный фрагмент заевшей пластинки.

Это была фигурка, вырезанная из камня. Он машинально сунул её в карман куртки.

– Куртка! Я в куртке.

Только сейчас он понял, что неплохо бы осмотреть себя.

– Хм... интересно... чьи-то штаны – не мои... свитер полосатый – не мой... ботинки... ботинки мои! И куртка.

Куртка была не его, но что-то знакомое в ней было.

Он поднялся на ноги. Кругом одни деревья. Реденькая рощица уходила во все стороны. Всё тело было мокрым, но одежда оставалась сухой. Он ещё раз осмотрел руки. Они были какими-то влажными, маленькими, съёжившимися. Пальцы были в подсыхающей крови. На тыльной стороне ладони тоже была кровь. Кое-как очистив руки от липкой земли, он тщательно осмотрел себя на наличие ран. Их не было. Ни одной.

– Кровь не моя. Хм... странно...

Вдруг он услышал далеко за деревьями шум.

– Что это там... шоссе, что ли? Ну-ка, ну-ка...

И он медленно заковылял в направлении звука. Теперь уже более ясно он слышал нежный и журчащий звук проезжающих машин. Смертельная жуть пережитого покидала его, уходя постепенно в небытие, секунда за секундой...

– Неужто я так напился? – думал он, пробираясь через залежи высушенных веток, – и как меня угораздило в это болото попасть? Хорошо, хоть не замёрз. Ведь утро уже... Возможно, утро. Светло то как...

Он глянул вверх, и среди деревьев увидел клочок ясного синего неба. Дальше было черно и серо. Темнота в небе растекалась, убегая к краям, освобождая место голубой прозрачности.

— Гроза была, что ли? А я сухой... Нет, всё-таки, какого дьявола и какая скотина меня сюда затащила? И где эта самая скотина сейчас? И вообще, снег кругом ...Бред какой то... Вот я наакался так наакался..

Он на мгновение вдруг осознал, что не чувствует ни малейшего признака алкоголя во рту, но шок, всё ещё сотрясавший его, заставил забыть это маленькое несоответствие.

— Вот чёрт! Что я скажу на работе? Или сегодня выходной?

Он внезапно остановился. Ясность рассудка ударила его, как фотовспышка.

— А какой сегодня день-то? А месяц?

Далее он тут же понял, что вопрос, какой сейчас год, даже задавать не стоит. Он не знал.

— А кто я? Ми... Ни... что-то с «и»... потом «а»,... нет, «о»... Рюха! Почему «Рюха»? Аааа... Андрюха!

Память включилась. Двор, школа, учительница, открывающая классный журнал, её синие глаза, необычайно синие глаза... они так ему нравились...

— Ивченко! — голос хлётко ударил звоном изнутри в макушку, и он даже зажмурился.

Анна Андреевна. Ну да... Голос её забыть трудно. Насмешливая улыбка, сияющие синие глаза и длинные прямые светло-серые волосы. Для парней в классе это был удар ниже пояса. У девочек в классе шансы упали до нуля. А она стояла высокая, стройная, в обычном платице, без серёжек, цепочек, брошек и прочей ерунды, которую в изобилии надевали на себя учителя постарше, стояла около первой парты, опустив на неё свою руку, и держала другой рукой журнал.

— Ивченко!

— Андрей! — стукнуло изнутри. Память погасла, пропавшая борозду в нужном направлении, и он пошёл собирать по этой канаве, что найдётся.

– Андрей, значит, Ивченко. Ну, как же, помню! – он даже улыбнулся, представив эту картину со стороны. Идёт парень по лесу, сам с собой разговаривает, в чужих штанах, и идёт незнамо куда неизвестно откуда.

– Здравс-с-те, Андрей Владимирович. Это вы, что ж, школу свою изволили вспомнить? А, ну-ну... – он старался развить и поддержать в себе настроение юморить, так как чувствовал, что, того и гляди, наделает со страху в штаны. Шок прошёл, и нервы начинали давать о себе знать.

– Ну и что же с нами произошло? Дрались?

Во внезапной догадке он протянул руку к затылку, но никакой шишки, ни других следов удара он не обнаружил.

– Нет, мы люди мирные, – ответил он, успокоившись, хотя причин для этого было мало. Версии рушились одна за другой.

– Я не пьян. Не побит. Не обворован. Мало того, с чужими вещами, даже не простуженный, с руками в чужой крови, с утра выхожу из леса... Чушь!

Оставалось надеяться на друзей. Может, они развяжут языки?

– Шоссе! – он вывалился, обрадовавшись, из последних сил на обочину. – Теперь уж не пропаду.

Стараясь держаться прямо на непослушных ногах, он вытянул руку, тормозя машину. Машин было не так мало, как, казалось бы, должно быть посреди леса. Три-четыре проехали мимо, обдав его вонью выхлопных газов, но сейчас эта вонь была ему милее любого аромата. Пятая или шестая свернула на обочину, чуть не сбив его с ног. Стекло опустилось.

– Ты откуда такой? – здоровый бородатый мужик с интересом рассматривал Андрея.

– Какой? – сделав якобы удивлённое лицо, спросил Андрей.

– Какой-какой... Ты на себя-то когда смотрел в зеркало в последний раз?

Зеркало!

Зеркало... зеркало... Что «зеркало»? – что-то быстро и неуловимо проشمыгнуло в голове и скрылось за углом, махнув длинным скользким хвостом.

– Ты чего, поганок наелся?
– Я?! – Андрея передёрнуло.
– А вообще-то, я теперь и сам не знаю – подумал он, – могли ведь и накормить втихоря, пошутить.
– Весь в грязи, в кровище...
– Где?
– Да на рожу свою погляди! – бородатый перекинул руку через дверцу и ткнул пальцем в зеркало заднего обзора. Андрей подошёл, нагнулся...

Нет!

Что «нет»? – отпрянул он.
– А-а... не хочешь посмотреть! Хе-хе. Да, теперь тобой только детей пугать! Ну, садись, чего встал?

Андрей, потупившись, виновато полез в машину.
– На, утрись, – водитель сунул ему платок.
Андрей провёл платком по лицу и увидел, что кровь была и там, да ещё и в довольно приличном количестве.
– Вон, морду-то как раскрасили! – водитель подмигнул, и, вдавив педаль, резко сорвал машину с места.

Он ехал, покачиваясь в кожаном кресле «Волги», и растекающееся спокойствие и тепло убаюкивали его. Что же случилось? Конечно, в последнее время его жизнь была не очень спокойной. Вот, например, в среду...

– В какую среду? – он устало отметил, что хотя и помнит какие-то несвязные мелочи, совершенно отсутствует чёткая картинка последних прожитых месяцев.

– В среду... да... Я помню, пошёл в клуб с друзьями, с Максом и... этой, как её?... Катей? Леной? А, с Машей! Точно! Потом хохот, улица, такси, целовались в подъезде, цветы откуда-то, утро, разбитое зеркало... Зеркало!... Звонок в дверь. Иду открывать и... – он зажмурил глаза от боли в висках, – ... рекламная пауза. Мда... Скушай «Твикс».

Дальше не шло. Когда была эта самая среда, он не помнил тоже. Вообще-то, друзья часто смеялись над его короткой памятью, но

чтоб такое!... Такого не было. Точнее было, но об этом даже страшно было подумать.

Впереди показались первые дома города.

– «Озерки»! – удивился Андрей. – Вот леший занёс! Это меня точно Бог наказал! – он не заметил, что рассуждает вслух.

– Когда тебя Бог накажет, ты не в машине в уютном кресле будешь ехать, а дерьмо из ушей ногами выковыривать! – отозвался бородастый, увидев, что Андрей не спит.

– Наверно, – охотно согласился тот, чтобы предупредить возможные расширенные гипотезы на этот счёт. Это сработало, и водитель замолчал.

Остановились на автобусном кольце. Прощаясь с бородастым дядькой, он долго извинялся за причинённые неудобства и благодарил за помощь. Потом пожелав «удачи!», нетвёрдой походкой зашагал к входу в метро.

– Только б менты не докопались! – пробормотал он, опуская руку в карман, с радостью и облегчением нащупывая там какую-то мелочь.

Я часто думаю. По поводу и без повода. Мне так интересней. Вокруг меня ходят миллиарды людей и ни о чём таком не думают. Ну, просто они заняты едой, сном, семьёй, любовницами, машинами, работой... Зачем им думать? Все их мысли вьются только вокруг количества и качества тех же самых машин, еды, сна, любовниц, работ... Я обижаюсь на Него. Часто. И потом жалею. И даже радуюсь, хотя и это считаю плохим в себе, что окружающие позволяют сохранять мне своё ноу-хау в данном, отведённом мне углу, где я могу сидеть, как мышь, затаившаяся за помойным ведром, и ждать, когда придёт моё время, и я смогу заняться своими делами. Чем? Да всем. Разными глупостями, как вы бы их назвали.

Я иду на улицу, и, садясь на ближайшую скамейку во дворе, слушаю тишину. Тишина прекрасна ночью, когда непоседливые потребители и обыватели спят, и видят свои потребительские и обывательские сны. Наверно, во сне им показывают ещё лучших мужей, жён, машины, дома...И они довольно повизгивают в своих кроват-